

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Берова Аслана Борисовича и Пшибиева Батыра Хазраталиевича на нарушение их конституционных прав статьей 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

город Санкт-Петербург

7 февраля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан А.Б.Берова и Б.Х.Пшибиева,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане А.Б.Беров и Б.Х.Пшибиев, являющиеся подсудимыми, обвиняемыми в совершении ряда преступлений, и содержащиеся под стражей, оспаривают конституционность статьи 18 «Свидания с

защитником, родственниками и иными лицами» Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Как следует из приложенных к жалобе материалов, в 2008 году Б.Х.Пшибиев обратился к судье Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики с ходатайством о предоставлении ему длительного свидания с родственниками, однако получил отказ со ссылкой на Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (письмо от 26 декабря 2008 года). В 2012 году А.Б.Берову и Б.Х.Пшибиеву председательствующим по их уголовному делу судьей было отказано в просьбе предоставить длительные свидания с матерями, супругами и детьми на основании статьи 18 названного Федерального закона, как предусматривающей свидания подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с родственниками продолжительностью не более трех часов (письмо от 31 июля 2012 года).

По мнению заявителей, статья 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» фактически устанавливает запрет на длительные свидания подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с родственниками, не оправданный интересами защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, нарушает их право на уважение частной и семейной жизни, а продолжительность применения такого запрета, обусловленная сроком производства по уголовному делу, превращает содержание под стражей в наказание. Как утверждается в жалобе, оспариваемая норма противоречит Конституции Российской Федерации, ее статье 23 (часть 1), а также статьям 17 (часть 2), 18, 21 и 55 (части 2 и 3).

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

2.1. Согласно статье 23 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Право на сохранение неприкосновенности частной и семейной жизни, в том числе на неформальное общение, защищается законом в отношении каждого, т.е. оно распространяется и на лиц, которые лишены свободы в установленном законом порядке. Соблюдение законных интересов задержанных, заключенных под стражу или осужденных к лишению свободы по приговору суда предполагает, в частности, что они не могут быть полностью исключены из сферы общения людей, находящихся с ними в тесных личных, прежде всего родственных, отношениях (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2009 года № 1053-О-О).

Недопустимость полного запрещения контактов заключенного с семьей признается и международно-правовыми актами. Так, требование законодательной регламентации свиданий арестованных с родственниками вытекает из положений утвержденного Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, в том числе из принципа 19, в силу которого задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется право на посещение его членами семьи и переписку с ними, возможность сноситься с внешним миром согласно разумным условиям и ограничениям, содержащимся в законе и установленных в соответствии с законом правилах.

Статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантируя каждому право на уважение его частной и семейной жизни, также допускает вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права в случаях, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения

беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности либо защиты прав и свобод других лиц.

Европейский Суд по правам человека признает вмешательство в указанное право допустимым при любом законном помещении под стражу, в частности при применении к подозреваемым и обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу, что обуславливает наложение на них ограничений в отношении свиданий с родственниками и иными лицами. По его мнению, для уточнения обязанностей, которые статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод возлагает на национальные власти в данной сфере, нужно учитывать нормальные и разумные требования тюремного заключения и пределы свободы усмотрения, им предоставляемой, когда они регулируют общение заключенного с семьей, имея при этом в виду, что любое заключение влечет по своей природе ограничение частной и семейной жизни заинтересованного лица (постановления от 27 апреля 1988 года по делу «Бойл и Райс (Boyle and Rice) против Соединенного Королевства», от 11 июля 2000 года по делу «Дикме (Dikme) против Турции» и от 28 сентября 2000 года по делу «Мессина (Messina) против Италии»). В Постановлении от 28 сентября 2000 года по делу «Мессина (Messina) против Италии» Европейский Суд по правам человека также указал, что, хотя содержание под стражей предполагает ограничение частной и семейной жизни, содействие со стороны администрации места содержания под стражей в поддержании действенных контактов заключенного с его близкими родственниками является важнейшим элементом права заключенного на уважение его семейной жизни, однако некоторый контроль за контактами заключенных с внешним миром необходим и сам по себе не противоречит Конвенции (постановление от 25 марта 1983 года по делу «Силвер (Silver) и другие против Соединенного Королевства»).

Принимая во внимание положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентное право Европейского Суда по правам человека, Комитет Министров Совета Европы рекомендовал

правительствам государств – членом Совета Европы руководствоваться в нормотворческой деятельности Европейскими пенитенциарными правилами 2006 года, устанавливающими, что посещения заключенных могут быть ограничены и поставлены под контроль в связи с требованиями продолжающегося уголовного преследования, поддержания порядка, безопасности и режима содержания, предотвращения преступлений и защиты их жертв, однако такие ограничения, включая особые ограничения, распоряжения о которых поступили от судебного органа, должны, тем не менее, обеспечивать приемлемый минимальный уровень общения (правило 24.2).

В постановлении от 12 июня 2008 года по делу «Власов против России» Европейский Суд по правам человека напомнил, что такие ограничения, как определение количества предоставляемых заключенному под стражу свиданий с семьей или специальные меры по организации свиданий, представляют собой вмешательство в его права, гарантированные статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но не являются сами по себе нарушением ее положений; тем не менее любое ограничение такого рода должно быть предусмотрено законом, преследовать одну или несколько законных целей, перечисленных в пункте 2 статьи 8 Конвенции, и, кроме того, должно быть оправдано в качестве необходимого в демократическом обществе. При этом Европейский Суд по правам человека признавал нарушением данной статьи случаи, когда в соответствии с дискрецией органов, уполномоченных разрешать свидания, имели место полный запрет свиданий или же такое существенное ограничение их частоты и продолжительности, которое посягало на саму сущность права на уважение частной и семейной жизни (постановления от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России» и от 4 марта 2010 года по делу «Шалимов против Украины»).

Таким образом, право на неприкосновенность частной и семейной жизни, находясь в общей системе гарантирующего его конституционно-

правового и международно-правового регулирования, должно признаваться и обеспечиваться согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 15, часть 4; статья 17, часть 1).

2.2. Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал в своих решениях, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П и др.). В частности, эти ограничения допустимы в случаях, связанных с применением задержания, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, осуществляемым на предусмотренных законом основаниях, в надлежащей процедуре, с санкции суда, в рамках установленного или контролируемого срока.

Из статей 97, 98 и 108 УПК Российской Федерации в их нормативном единстве следует, что заключение под стражу в системе действующего правового регулирования связано с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т.е. с непосредственным ограничением

самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность. Ограниченность предоставляемых подозреваемому, обвиняемому свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием данной меры пресечения, состоящей в изоляции лица в специальном месте под охраной (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 1998 года № 159-О, от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О и от 17 июня 2010 года № 807-О-О).

2.3. Согласно статье 3 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых осуществляется в целях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Такими целями служат недопущение возможности сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда, предотвращение возможного продолжения преступной деятельности, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу; при этом мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (свыше двух лет – в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2012 года № 309-ФЗ), если невозможно применить иную, более мягкую, меру пресечения (часть первая статьи 97 и статья 108 УПК Российской Федерации).

Для достижения указанных целей в местах содержания под стражей устанавливается обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, а также их изоляцию режим, элементами которого являются налагаемые на них ограничения относительно переписки, получения посылок и передач, предоставления свиданий с родственниками и иными лицами и пр. (статьи 15, 16, 18, 20, 21

и 25 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

В соответствии с частью третьей статьи 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое. Данное законоположение вводит четкие ограничения, касающиеся периодичности предоставления свиданий подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, их длительности, и закрепляет разрешительный порядок решения вопроса об их предоставлении. В то же время оно не может быть истолковано как дающее правоприменителю возможность отказать в предоставлении свиданий без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам; такого рода отказы должны оформляться в виде мотивированного постановления и могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 1998 года № 159-О, от 13 июня 2002 года № 176-О, от 16 октября 2003 года № 351-О, от 17 июня 2010 года № 807-О-О и от 17 июля 2012 года № 1334-О).

Наличие указанных ограничений вызвано спецификой уголовного судопроизводства, а также теми целями, которые стоят перед заключением под стражу как мерой процессуального принуждения и которые отличны от целей и задач, непосредственно связанных с режимом отбывания назначенного судом наказания в местах лишения свободы, включающим в себя при определенных условиях право на длительные свидания (статья 89 УИК Российской Федерации).

Вместе с тем предусмотренные оспариваемой нормой ограничения длительности свиданий подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под

стражей, действуют лишь в период применения меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжительность которого не может выходить за пределы разумных сроков уголовного судопроизводства (статья 6¹ УПК Российской Федерации). Что же касается стадии судебного разбирательства, то закон позволяет суду продлевать срок содержания под стражей только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на три месяца (часть третья статьи 255 УПК Российской Федерации). Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П, адресованное суду требование не реже чем через три месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и в случае, если необходимость в ней не будет доказана, ее отмену, что влечет и отмену связанных с нею правоограничений. Таким образом, статья 6¹ УПК Российской Федерации в нормативном единстве со статьей 255 того же Кодекса не позволяют произвольно затягивать сроки рассмотрения судом уголовного дела, не содержат каких-либо препятствий для обжалования бездействия суда и, соответственно, не предполагают избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания лица под стражей.

Таким образом, статья 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» во взаимосвязи с положениями уголовно-процессуального закона, обеспечивающими разумность сроков производства по уголовному делу, не может рассматриваться как отменяющая или умаляющая право подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, на общение с родственниками и иными лицами, – она лишь устанавливает определенные ограничения, которые действуют в рамках разумного срока уголовного судопроизводства и направлены на достижение конституционно значимых

целей (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты названных ценностей и вытекают из самого существа такой меры пресечения, как заключение под стражу, в связи с чем оспариваемая заявителями норма не может расцениваться как нарушающая их конституционные права.

Как следует из жалобы, А.Б.Беров и Б.Х.Пшибиев, соглашаясь по существу с установленными оспариваемой нормой ограничениями, выражают несогласие с длительностью их применения, обусловленной сроком производства по их уголовному делу. Между тем проверка соблюдения принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в конкретном уголовном деле не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Берова Аслана Борисовича и Пшибиева Батыра Хазраталиевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 133-О